

Нордман-Северова Наталья Борисовна

Эта

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н33

Н33 **Наталья Борисовна Н.**
Эта / Нордман-Северова Наталья Борисовна – М.: Книга по Требованию, 2023. – 370 с.

ISBN 978-5-521-25683-9

ISBN 978-5-521-25683-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Разсмотрѣть понятія, въ которыхъ мы воспитаны, и отвергнуть тѣ, которыя не выдерживаютъ испытанія, трудъ до того тяжкій, что уклонившіеся отъ него изъ боязни страданій, должны бы прежде подумать, а потомъ уже осуждать тѣхъ, кто пережилъ эти страданія.

Спенсеръ.

Играя далью золотистой
Насъ манитъ жизни океанъ!

А. Толстой.

*
* . *

Вотъ и книга, которую вы все ждали. Найдете досугъ — прочтите. Она познакомитъ васъ съ мечтами и стремленіями моей юности. Перелистайте только скорѣе первыя главы — мое монотонное дѣтство. Старая исторія: воспитаніе задавливало въ ребенкѣ личность, а личность боролась и пробивалась къ настоящему свѣту, хотя родилась и росла въ «свѣтѣ».

Всякая среда какъ секта ревнива и ограничена; трудно порвать съ нею; но только съ этого разрыва и начинается освобожденіе личности...

Очень интересуюсь вашимъ отзывомъ.

Н. Сѣверова.

I.

Я родилась въ 1863 году въ одномъ изъ большихъ городовъ средней полосы Россіи, гдѣ отецъ мой былъ губернаторомъ. Мы жили въ обширномъ двухъ-этажномъ казенномъ домѣ. Нашъ садъ, очень старинный, съ густыми липовыми аллеями, выходилъ на полуразрушенную городскую стѣну, съ которой открывался великолѣпный видъ на рѣку и на живописныя окрестности города. Въ самомъ концѣ сада была средневѣковая башня, подъ которой еще зіялъ когда-то существовавшій подземный ходъ; къ этому ходу вели ступени, разрушенныя и заросшія. На случайнo уцѣлѣвшей крышѣ какъ-то неувѣренно росла молодая березка, постоянно колеблемая вѣтромъ. И башня, и видъ очень нравились мнѣ и приковывали все мое вниманіе.

Родители мои были люди состоятельные, и домъ нашъ считался открытымъ и хлѣбосольнымъ. Совершенно сознательно начинаю я по-

мнить себя лѣтъ съ семи. Жила я тогда навѣрху въ трехъ небольшихъ комнатахъ съ моею гувернанткой, Луизой Карловной, и горничной Леонтиной. Зимой меня будили часовъ въ 8, и сейчасъ же послѣ молока я садилась за уроки. Учили меня совершенно просто. Луиза Карловна, бывало, пьетъ или пьетъ, а я сижу на стулѣ, болтаю ногами и, крѣпко прижавшись грудью къ краю стола, старательно переписываю что-нибудь изъ книги, или учу стихи, или дѣлаю сложеніе и вычитаніе на грифельной доскѣ. Часто я отвлекалась отъ урока и смотрѣла въ садъ; я любила знать, что тамъ дѣлается, и настроеніе этого кусочка природы всегда дѣйствовало и на меня. Помню я, какъ радостно билось сердце ранней весной, когда снѣгъ таялъ и мѣстами начинала видѣться черная земля и прошлогодняя травка! Съ какими нетерпѣніемъ ждала я мая, когда открывались окна, и въ саду зацвѣтали сирень и жасминъ.

Въ 11 часовъ я бѣжала внизъ здороваться съ мамѣю, которая въ это время въ голубой гостинной пила кофе и читала большое Евангеліе въ старинномъ сафьянномъ переплетѣ. Поцѣловавъ мамѣю руку, я должна была тщательно продѣлать передъ ней всѣ пять позцій, послѣ чего я старалась какъ можно скорѣе исчезнуть изъ комнаты, что, однако, не всегда удавалось мнѣ: иногда мамѣю вдругъ остановитъ меня и заставить

читать по-французски или рассказать что-нибудь. Разъ въ недѣлю въ этотъ часъ приходилъ нашъ домашній докторъ, который осматривалъ меня и дѣлалъ различные вопросы Луизѣ Карловнѣ, въ этихъ случаяхъ появлявшейся въ гостиной и почтительно стоявшей посреди комнаты.

— Въ общемъ здорова, говорилъ докторъ: — малокровна только и нервна.

Въ 12 часовъ мы завтракали, но я употребила всѣ усилія, чтобы пораньше затащить въ столовую Луизу Карловну, въ надеждѣ увидѣть поскорѣе своего брата Леву. Онъ былъ на пять лѣтъ старше меня. Жилъ онъ во флигелѣ со своимъ старымъ французомъ Жакелемъ. Бывать у него въ гостяхъ позволялось мнѣ очень рѣдко, раза три-четыре въ годъ, не болѣе.

Жизнь Левы казалась мнѣ очень обаятельною. У него было множество самыхъ интересныхъ игрушекъ; коньки, живая лошадка и большой черный водолазъ. Лѣтомъ Левѣ позволяли купаться въ большой рѣкѣ и кататься на лодкѣ. Отецъ иногда бралъ его съ собою путешествовать и за обѣдомъ большіе не только разговаривали съ нимъ, но даже дразнили его, и Лева, радостный и смущенный, нерѣдко вызывалъ своими отвѣтами громкій смѣхъ и шумныя одобренія. Но что больше всего нравилось и въ то же время пугало меня, это то, что Лева былъ зна-

комъ съ какимъ-то подземнымъ духомъ Тонте-номъ, въ волшебномъ царствѣ котораго онъ проводилъ ночи.

— Ты развѣ не слышишь иногда ночью рѣзкій свистокъ, это онъ зоветъ меня къ себѣ.

— Неужели онъ? спрашивала я содрогаясь,— я еще на дняхъ слышала... и что же съ тобою тогда дѣлается?

— Со мною? да гдѣ бы я ни былъ, сейчасъ же подо мною раскрывается земля и я исчезаю.

— Слушай,— прошепталъ мнѣ какъ-то разъ особенно таинственно Лева.— Мы вырыли съ моимъ дядькой и товарищами въ одномъ углу сада глубокую, глубокую яму, тамъ у насъ цѣлая комната, но найти ее никто не можетъ, она покрыта досками и дерномъ. Хотень мы спустимъ тебя внизъ на веревкѣ? у насъ очень хорошо, и стулья и посуда, а главное тамъ очень удобное сообщеніе съ Тонтеномъ.

— Съ Тонтеномъ? Я ни за что не пойду, ну вдругъ я его увижу?

— Ну такъ что же? Да ты не только тамъ, ты всюду можешь увидѣть его; онъ вотъ любитъ являться, когда человѣкъ одинъ въ комнатѣ. Ты вотъ сидишь на диванѣ, а онъ вдругъ рядомъ, и смотритъ на тебя пристально, пристально, глаза у него такіе добрые, проникательные...

Итакъ въ 12 мы завтракали. Лакеи — вдоль стѣнъ, Лева, гувернеръ, Лунза Карловна и я—

у своихъ стульевъ; шопотомъ переговариваясь, ожидали мы появленія старшихъ. Наконецъ, въ гостиной слышались голоса, шумъ шаговъ, и въ комнату входила мамà, большею частью въ сопровожденіи гостей, а за ними, своей важной, тихой походкой, шелъ мой отецъ и въ дверяхъ столовой дѣлалъ общій поклонъ. Я съ трепетомъ подходила къ нему.

— Здравствуйте папà.

Онъ молча протягивалъ мнѣ для поцѣлуя свою красивую руку, отъ которой такъ чудно пахло духами и сигарой.

— Ужасно вкусно пахнетъ, — шепталъ мнѣ часто Лева. — Когда я буду большой, у меня будутъ совсѣмъ такія руки.

За столомъ шелъ общій, оживленный разговоръ, всегда по-французски, если только не присутствовалъ какой-нибудь гость, не говорившій на этомъ языкѣ.

Луиза Карловна сидѣла рядомъ со мною, всегда сконфуженная, красная, скромно складывая между блюдами руки на груди; братъ сидѣлъ между нею и старымъ французомъ, который то и дѣло нагибался къ нему, дѣлая различныя замѣчанія. Лева шопотомъ ворчалъ ему что-то въ отвѣтъ, но только шопотомъ, чтобы не обратить на себя вниманія мамà, которая въ такихъ случаяхъ вопросительно поднимала брови и на весь столъ спрашивала: «qu'est ce qu'il y a?». Этого

«qu'est ce qu'il y a» мы ужасно боялись. Я, впрочемъ, не любила никакихъ вообще замѣчаній и поэтому старалась вести себя примѣрно и въ точности копировать манеры мамѣ.

Послѣ завтрака большіе уходили въ гостиную пить кофе, Лева немедленно исчезалъ со своимъ Жакелемъ, а я бѣжала наверхъ одѣваться для прогулки. Бѣльшею частью мы шли въ городской садъ и чинно обходили его одинъ разъ вокругъ, или же за мною заѣзжала жена предводителя дворянства со своими двумя дѣвочками, и мы медленно катались около часу всегда по однимъ и тѣмъ же улицамъ. Помню я какъ-то разъ вздумалось самой мамѣ взять меня съ собою покататься.

— Ужасная возня съ дѣтьми, говорила она, истерпѣливо усаживая меня рядомъ съ собою въ коляску и нервно поправляя мнѣ бантъ подъ подбородкомъ.— Слышишь, сиди смирно, а главное не смѣй захотѣть! — И она внушительно погрозила мнѣ пальцемъ.

Въ четыре часа Луиза Карловна накидывала мнѣ на плечи пелеринку и вела въ большую залу, гдѣ я при двухъ свѣчахъ (зала освѣщалась только къ шести часамъ) должна была играть цѣлый часъ на фортепіано; сама же Луиза Карловна уходила къ себѣ тайкомъ пить кофе. Оставшись одна, я начинала дрожать отъ страха при одной мысли о Тонтенѣ. Играла я